

МЕСТО РОССИИ В МИРЕ XXI ВЕКА

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ
Константин Иосифович Косачев

В информационную эпоху одним из основных средств – и, одновременно, – полей соперничества становятся мировые СМИ, информационные потоки, инструменты формирования общественного мнения и влияния на него. Именно поэтому мы очень часто наблюдаем, что имидж России далеко не всегда соответствует ее реальному месту в мире и истинному положению дел в самой стране.

Наша линия в международных делах подвергается сегодня жесткому давлению сразу по нескольким основаниям. Во-первых, из-за заявленного возвращения страны на мировую арену, что в максимально доходчивой форме было сделано Президентом РФ В.В. Путиным в г. Мюнхене. Во-вторых, в глазах некоторых идеологов Запада Россия сдерживает создание нового мирового порядка, в котором международное право займет подчиненную роль по отношению к целесообразности и идеологическим критериям, а по сути – принципу «свой-чужой». Россия откровенно мешает, если вспомнить прежде всего ситуацию с Косово, но и не только: есть еще Иран, Ближний Восток, системы ПРО США в Европе и многое другое.

Следует признать, что Россия сопротивляется этим планам не из-за какой-то особой своей «вредности». Нет у нас и в помине ни рудиментарного «антизападничества» советских времен, ни «свежего» желания возглавить реванш глобальных «униженных и оскорбленных» по модели антиколониального успеха 60-х годов XX века. Нашу страну объективно не сделали частью Запада, то есть выгодоприобретателем от строящегося нового международного порядка, а, значит, попросту не оставляют выбора и вынуждают сопротивляться созданию мира, в котором не находится места ее интересам.

При этом нет сомнений, что Россию оставили за бортом панзападных структур сознательно, а не в силу неких объективных обстоятельств. Расчет многих на Западе был явно построен на твердой уверенности в долгосрочной и необратимой слабости нашей страны. Голоса прагматиков, вроде экс-бундесканцлера Шредера, утонули в хоре сторонников жесткой линии, маскируемой под выводы о якобы принципиальной неинтегрируемости России в демократическую цивилизацию Запада.

Россия как глобальная держава

На этом психологическом фоне усиление России оказалось непредвиденным фактором, который застал врасплох списавших ее со счетов мировой истории и с которым, судя по всему, до сих пор не знают, как быть. Выбор достаточно серьезен: либо «дожать» (обрушить цены на энергоресурсы по модели развала СССР; обложить по периметру враждебными режимами и структурами НАТО; дестабилизировать внутренне; наконец, просто переждать период усиления, задействовав все эти блокировки одновременно). Либо все же включить «неудобную» Россию в новую мировую систему с соответствующими корректировками самой системы, а также материальными и политическими уступками новому бенефициару.

Таким образом, сейчас для стратегических планировщиков наступил момент кардинального выбора. Если нам удастся продержаться без срывов буквально несколько лет, скорее всего – до следующего избирательного цикла, убедив мир, что новая Россия – это всерьез и надолго, то глобальные политические «расклады» неизбежно начнут корректировать с учетом наличия российского фактора, принимая во внимание риски сближения нашей страны с Китаем или участия в альянсе «не взятых в Большой Запад», в который могут войти богатые ресурсами страны планеты.

Достаточно взглянуть на прогнозы ведущих мировых аналитиков, чтобы задуматься над правильностью выбранной сегодня некоторыми странами Запада линии в отношении России. Сегодня ВВП «Развивающейся семерки» («Е7») – Бразилии, России, Индии, Китая, Индонезии, Турции и Мексики в текущих ценах составляет около 20% экономики стран «Большой семерки» («G7»). К 2050 году, по некоторым оценкам, ситуация поменяется с точностью до наоборот. По прогнозу экономистов компании PricewaterhouseCoopers, экономика стран «Е7» превысит ВВП «Большой семерки» на 25% в текущих ценах и на 75% – по паритету покупательной способности. Особенно выделится на общем фоне Китай, экономика которого к середине столетия будет на 40% больше сегодняшнего ВВП США. Да, «догоняющие» страны сегодня не так тесно организованы и структурированы, как западные державы. Но это вовсе не означает, что так будет всегда.

Чтобы быть эффективной и соответствовать уровню притязаний России как мировой державы, наша международная политика должна строиться на таких основных принципах, как: ясность политических целей, наличие стабильной и четко сформулированной долгосрочной стратегии достижения этих целей, гибкость средств и механизмов реализации внешнеполитической стратегии.

Что касается наших целей, то они диктуются приоритетами и основными перспективами развития страны, для которых и должны создаваться соответствующие внешнеполитические условия. Эти цели должно формулировать все общество, они закреплены в Конституции и направлены в первую очередь на достижение благосостояния населения, обеспечение основных прав и свобод наших граждан и создание для этих целей благоприятной международной обстановки. Полагаю, что результаты прошедших парламентских и президентских выборов можно расценивать как мандат нашего народа на продолжение избранного курса, жизненно важный, помимо иных областей общественной жизни, и в области внешней политики. Верховная власть крайне заинтересована в таком демократическом диалоге с обществом, чтобы сверять ориентиры своего курса на международной арене с ожиданиями всего населения страны. Предсказуемость внешнеполитической линии государства для своих граждан важна не менее, а скорее даже более, чем для партнеров на международной арене.

Нам, вне всякого сомнения, необходимо объективно оценивать собственное место в мировой системе. Это нужно даже из чисто практических соображений: переоценка собственных возможностей может спровоцировать на неадекватные шаги на международной арене, а недооценка – сделать страну, обладающую третью мировых ресурсов, включая ресурсы будущего (пресная вода, леса), – ведомой и зависимой.

Но Россия сегодня уже точно не региональная держава. Не только благодаря природным богатствам, которые сегодня выросли в цене. Есть статусные факторы, унаследованные от СССР: место постоянного члена в Совете Безопасности ООН, ядерный потенциал, делающий нас неуязвимыми даже для самых сильных оппонентов.

Четыре «И»

Однако опираться исключительно на наследие прошлого, равно как и на нестабильные и переменные факторы (конъюнктура цен на энергоносители), сегодня уже недостаточно. Ни ядерное оружие, ни место в Совбезе не защитили Советский Союз от распада, а обвал мировых цен на нефть ускорил этот процесс. Свой статус, свои притязания на соответствующее место в мире нужно подтверждать в конкуренции с другими странами. Подтверждать современной инновационной экономикой, без которой, разумеется, говорить о глобальной конкурентоспособности вообще не приходится. Успешные народы вызывают уважение в мире, заставляют считаться со своими интересами, притягивают к себе союзников. При том обязательном условии, что речь идет о современных стабильных демократических государствах, в которых комфортно чувствуют себя и собственные граждане, и приезжие, отечественные и иностранные производители и капиталы, национальные меньшинства, семьи. В противном случае возникает диссонанс между внутренними возможностями, КПД национального государства у себя дома и его притязаниями в мире и в регионе.

Именно поэтому сегодня высшее руководство страны столь остро поставило перед обществом модернизационные задачи. Можно вспомнить, в частности, четыре «И» нового Президента РФ Д.А. Медведева: институты, инфраструктура, инновации, инвестиции. У России нет иного пути, как отстаивать свой статус великой державы теми средствами, которые предлагает новая эпоха.

Сегодня нам жизненно необходима мощная, современная экономика, опирающаяся на новейшие технологии, модернизированную, эффективную и экологически безопасную индустрию, профессиональные кадры и уникальную сырьевую базу. В свое время такие страны, как Германия, Япония, а позже и Индия, Южная Корея, Бразилия обрели статус сильных держав именно благодаря экономическому прорыву, мобилизации национальных ресурсов на ускоренный подъем и модернизацию экономики.

Никого не нужно убеждать в том, что есть прямая зависимость между уровнем экономического развития страны (а следовательно, уровнем благосостояния его населения) и инновационными, технологическими характеристиками ее хозяйственного механизма. Чем более развита страна экономически, тем значительнее ее затраты на научные исследования и активнее стимулируется данная отрасль. Так, страны, где ВВП на душу населения на 30% выше среднемирового уровня (США, Япония, Швейцария и Норвегия), вкладывают в научную сферу в 1,5 раза больше. И наоборот, даже достаточно развитые страны, но с ВВП на душу населения менее 50% среднемирового уровня (Восточная Европа, Турция, Мексика), затрачивают на развитие науки в 4,5 раза меньше.

При этом, как показывает опыт нашего великого соседа – Китая, в условиях глобализации рецепты национального экономического успеха нужно искать не в изоляционных сценариях, а в успешном овладении механизмами мирового рынка в интересах страны. Глобальная конкурентоспособность страны сегодня определяет ее внутреннее благосостояние, и наоборот. Суверенитет – это сила в сравнении. Это не запорная плотина на пути потока цивилизации, а турбина, преобразующая энергию этого потока в полезное электричество. Любые попытки замкнуться в своем внутринациональном хозяйственном организме неминуемо будут означают самодостаточность нищеты. Не благосостояние, а выживание народа, консервация отставания от передовых стран.

Однако это не означает, что мы должны сделать базовые рычаги и опоры нашей экономики открытыми «семи ветрам» глобального рынка. Нельзя допустить, чтобы стратегические решения о приоритетах и направлениях дальнейшего развития нашего хозяйства определялись кем бы то ни было, кроме самого российского народа. Нужно торговать не экономикой, а ее достижениями. Прежде всего – продукцией высокой переработки, в которой большую часть стоимости составляли бы оплаченный труд наших рабочих, инженеров, ученых, а также современные технологии.

Не секрет, что усиление роли России на фоне нынешнего дефицита ресурсов далеко не всеми приветствуется. А значит, поиски путей ослабления зависимости от России неизбежно продолжатся. Найдти эти пути реально и посредством внедрения новейших технологий, использования возобновляемых

источников энергии. Конечно, пока сырьевая энергетика доминирует, но это не означает, что такая ситуация вечна. Те, кого мы сегодня считаем зависимыми от нашего сырья, завтра могут уйти в непреодолимый технологический отрыв, нивелировав наше сырьевое преимущество и обрушив цены на природные ресурсы. Просто «сидеть на трубе» сегодня – значит безнадежно отстать от ведущих стран завтра. Период благоприятной конъюнктуры нужно использовать для перегруппировки сил и стимулирования структурных изменений в экономике. В будущем такой уникальной «передышки» может уже и не случиться.

Любые попытки придать российским природным богатствам статус «общечеловеческого достояния», подлежащего на этом основании некоему «международному управлению», не имеют под собой никаких правовых и исторических оснований. Мы должны эффективно противостоять разного рода «обходным маневрам» с целью выйти на прямой контроль над нашими ресурсами, минуя Российское государство, то есть, по сути, минуя российский народ и его исторически обоснованное право на то, чтобы эти богатства работали на его процветание.

Прежде всего Россия должна выступать за справедливое распределение энергии в мире и доступ всех государств к планетарным ресурсам в области энергетики как основы для устойчивого развития всех без исключения стран мира. Нельзя одновременно лишать развивающиеся страны шанса на создание современных экономик, права на получение справедливой отдачи от своих ресурсов и на содействие в энергообеспеченности – и при этом надеяться на то, что в них не будут развиваться радикальные и экстремистские идеологии и практики. Не доведение бедных стран до статуса мировых «изгоев» с последующим поражением в суверенитете и внешним управлением, а обеспечение права на развитие – такой должна быть модель стратегической стабильности в XXI веке. Президент России Д. А. Медведев на XII Петербургском международном экономическом форуме категорически осудил явление, которое «можно условно назвать «экономическим национализмом», при котором прагматические интересы подменяются политическими соображениями».

Модернизация международного права

В политическом смысле Россия может и должна стать подлинной «правозащитницей» на международной арене, то есть прежде всего защитницей модернизируемой системы международного права и безусловного приоритета права в межгосударственных отношениях. Принципиальная позиция, которую Россия заняла по Косово, последовательно защищая право и законность, может кому-то представляться не выгодной тактически, но это – позиция сильного государства, которое, рискуя охлаждением отношений с самыми влиятельными странами планеты, все же предпочло сделать ставку на право, а не на силу в международных отношениях. Безусловно, это будет оценено нашими потенциальными единомышленниками в мире, коих немало, пусть их голос сегодня задавлен глобальными «силовиками».

Столп мировой законности – Организация Объединенных Наций – доказала за более чем 60-летнюю историю свою незаменимость и как универсального инструмента реализации согласованной политики, и как гаранта глобальной стабильности, и как площадки для межгосударственного диалога. Безусловно, вопрос о ее модернизации сегодня назрел, но это не должна быть модернизация в ослабление. Если мы пока не имеем точного представления, какая ООН нам нужна, это еще не повод уже сегодня отстранить ее от решающего участия в ключевых международных делах. Так сказать, «до лучших времен», пока не родится точная концепция общемировой организации третьего тысячелетия. Лучше частично устаревшая ООН, чем модернизированный хаос.

Мы заинтересованы и в реализации демократических принципов в международных отношениях. Мир сталкивается сегодня с разнонаправленными тенденциями: растущими требованиями в отношении демократизации внутренней жизни отдельных стран при все более жесткой иерархии в собственно межгосударственных отношениях. Но, по нашему убеждению, справедливость, либеральные принципы терпимости, уважения прав и особенностей «малых мира сего» не только возможны во взаимоотношениях между государствами, но и являются неременной предпосылкой для демократизации внутренней жизни в отдельных государствах.

Несправедливость мирового распределения богатств и ресурсов уже сама по себе неизбежно рождает протестный потенциал, проявляющийся в крайне опасных формах терроризма и экстремизма. Россия готова предложить странам, находящимся у опасной черты экономической деградации, реальные альтернативы нынешнему тупику, опираясь прежде всего на базовые для любого хозяйства энергетические ресурсы. Однако в реализации этой принципиально новой глобальной экономической модели необходимы коллективные усилия всех ведущих стран мира, отказ от национального и цивилизационного эгоизма и осознание отсутствия альтернатив устойчивому развитию всего мира в целом, без исключений и «изгоев».

Современные межгосударственные экономические институты, такие как, прежде всего, ВТО, должны не фиксировать несправедливость, а искать пути к ее преодолению. Россия надеется войти в эту организацию, чтобы наравне с другими мировыми державами участвовать в определении базовых правил мировой торговли будущего. Мы идем в ВТО не только за тем, чтобы более эффективно торговать, но и для того, чтобы работать над совершенствованием глобальной экономики и не быть в стороне от современных процессов в мировом хозяйстве. Наша страна имеет право на то, чтобы «правила игры» на мировом рынке определялись не за ее спиной и не в обход ее интересов. Как видно из заявлений российских лидеров, мы сегодня делаем ставку не на сроки, а на качество присоединения. Дело не в формальном членстве в ВТО, а в соблюдении и продвижении интересов.

Подлинно суверенная политика

Сегодня есть очень немного государств в мире, которые могут позволить себе роскошь подлинно суверенной и независимой внешней политики. Современная Россия – в их числе, хотя еще недавно, практически все 90-е годы, ситуация была принципиально иной. И это завоевание, которое нужно уметь использовать и беречь, поскольку оно – не пожизненная привилегия, а статус, требующий постоянного подтверждения и отстаивания.

При этом Россия не ищет специальных предлогов для увеличения своего международного влияния. Напротив, возросший авторитет страны делает ее участие в международных делах все более востребованным и логичным. Это естественный и объективный процесс, с которым вынуждены считаться все прочие актеры на мировой сцене. Иногда под независимой и самостоятельной внешней политикой у нас весьма ошибочно понимают политику агрессивную и вызывающую, политику наскоков и обид. Задача любой внешней политики не ссориться с другими странами, как и не идти послушно за ними, а добиваться оптимальных внешних условий для поступательного развития страны, роста ее благосостояния. Государство, которое дружит с соседями и не воспринимается в мире, как угроза, имеет неизмеримо больше шансов на процветание, чем государство, отравляющее международный климат угрозами и подозрениями.

Сознавая, что прочная экономическая основа – непреложное условие для эффективной внешней политики, мы ни в коей мере не должны забывать и о духовных, ценностных и идеологических опорах любой политики – внешней или внутренней. Постепенно формирующийся на наших глазах общероссийский консенсус вокруг той линии, которую проводит Россия во внешнем мире, – это залог внутренней поддержки и уверенности в реализации наших базовых целей в мире. Отказ от блокового мышления и построения неких альянсов против третьих стран, многовекторность внешней политики и упор на базовые принципы международного права, сохранение и усиление роли ведущих международных институтов, прежде всего ООН, достижение справедливости и устранение дисбалансов и иных конфликтных полей в мировых отношениях – все это принципиально отвечает интересам российского народа. Россия не «пятится» и не сдает одну за другой свои позиции в мире, в чем еще не так давно (и, надо признать, нередко по делу) упрекали россияне власть. Ее линия во внешнеполитических делах суверенна, понятна и прозрачна, и это укрепляет к ней доверие как дома, так и вовне.

Россия сегодня не формирует какой-либо из полюсов противостояния и свободна от каких бы то ни было идеологических или мессианских шор. Это дает ей практически без-

граничные возможности для гибкой и многоплановой дипломатии, чего был лишен СССР, как, впрочем, и все те, кто пытается силой втиснуть мир в «прокрустово ложе» даже самых прогрессивных идей и догм. Провозгласив европейский выбор страны, мы прежде всего обозначили наш ценностный выбор, определив наше место в рядах демократических цивилизованных государств. Этот выбор – не вынужденный. Он сделан не под давлением, а осознан и глубоко выстрадан нашим народом. И потому необоснованными, да и просто непорядочными выглядят все подозрения и упреки в адрес России, что-де ее выбор неокончателен и подлежит регулярному подтверждению.

Мы не собираемся по каждому поводу сдавать экзамен на «демократическую пригодность». Нам нередко высказывают претензии по поводу «управляемой демократии» (а есть иная? до недавнего времени мы были, похоже, единственным государством в мире с неуправляемой демократией, что для России по последствиям было равнозначно неуправляемой ядерной реакции). Но, похоже, озабоченность «доброхотов» вызывает более всего то, что демократия управляема изнутри, а не извне, как того желалось бы кому-то. Модель внешнего управления, к которой сегодня уверенно дрейфуют некоторые страны СНГ под аплодисменты по поводу их «порыва к свободе», для России неприемлема.

В отношениях со странами СНГ и своими ближайшими соседями России есть смысл делать ставку на экономический и технологический прорыв, который государствам региона по силам совершить сообща, опираясь на совокупные ресурсы региона и единство целей и задач. Мы отдаем себе отчет в том, что в условиях ужесточающейся глобальной конкуренции между странами и регионами никакие внешние силы не будут заниматься благотворительностью и гуманитарным субсидированием благополучия чужих народов. Ведущим производителям нужны рынки сбыта, а не процветающие конкуренты. Тем самым подъем наших стран – это суверенное дело наших народов, у которых есть на то опыт, ресурсы, кадры и исторические связи.

Разумеется, каждое государство свободно в выборе собственного пути для своего народа. Но мы убеждены, что каждый народ должен иметь полное и правильное представление о том выборе, который ему предлагают. Мы считаем, в частности, что навязываемые ему альтернативы: «или за Россию, или за демократию» – откровенный обман, построенный на конъюнктуре и политической нечистоплотности. Россия выступает за демократизацию всего постсоветского пространства, которая, конечно, не может протекать повсеместно с одинаковой скоростью и по единой модели.

Пространство СНГ не должно служить «инкубатором» или «парником» для чужих опытов по выращиванию искусственных культур, полигоном для отработки типовых политехнологий. Это – неуважение к тем, чья культура и исторический опыт нередко гораздо богаче, чем у самих «экспериментаторов». Не нужно «поторапливать» народы и глумиться над их выбором, признавая лишь те результаты голосований, которые удобны кому-то вовне. Демократия – не когда голосуют до победы демократов (тех, кого где-то утвердили в этой роли), а когда голосуют так, как хотят, без внешнего и внутреннего давления.

Демократия и НАТО

Только демократический выбор может обеспечить нашим народам подлинное процветание. Именно Россия в последние годы во многом проявила себя в роли гаранта независимости этих государств и их суверенного развития, надежного функционирования их экономик, при этом не выпячивая эту свою роль и не обращая ее в инструмент давления. Некоторые страны почувствовали решающее значение России в становлении и поддержании их независимости лишь тогда, когда они сами решили отказаться от ее поддержки, как от чего-то несущественного или естественного.

Но наша страна не навязывает себя никому в этом качестве и готова поддерживать нормальные добрососедские и рыночные отношения с теми, кто считает, что столь же ощутимые гарантии своей независимости они могут обрести где-либо еще без размена своего суверенитета

и без уплаты высокой экономической цены за свой выбор. При этом те, кто жертвует хорошими и добрососедскими отношениями с Россией в угоду новым конъюнктурным соображениям, не должны считать дружбу с нами меньшим злом, которым можно пожертвовать в угоду благосклонности держав с иных континентов. Это историческая и геополитическая ошибка, последствия которой, возможно, придется преодолевать десятилетиями.

Те, кто отстанет от поезда евразийской интеграции в поиске якобы более легких путей и рецептов национального успеха, могут оказаться в роли пасынков чужих структур, где пострадавшие их народами суверенитет и независимость лягут на алтарь политической конъюнктуры, но так и не принесут обещанных райских кущей благосостояния. Народы, неспособные обеспечить собственную независимость, рано или поздно столкнутся с неизбежностью ее утраты, а с ней и шансов на искомое социальное благополучие.

Очевидно, не способствует стабильности мира ситуация, когда «проводником демократии» становятся военно-политические альянсы, порожденные «холодной войной». Даже в сфере безопасности НАТО – далеко не универсальная организация, каковой нам ее часто пытаются представить, и потому мы не разделяем стремление наших европейских и американских партнеров перенести обсуждение практически всех вопросов безопасности (прежде всего – европейской) на площадку НАТО. Мы понимаем, что нашим визави так удобнее, ибо для них вопросы безопасности полностью ассоциируются с НАТО.

Но НАТО может быть только стороной в диалоге, а никак не подходящим форумом нейтрального формата. Тот факт, что в Европе почти не осталось подходящих площадок для обсуждения тем безопасности, откровенно говоря, целиком и полностью на совести наших коллег по НАТО, ибо ОБСЕ «провалилась» в третью, гуманитарную корзину не по вине России. В наших общих интересах реанимировать ОБСЕ как подлинно универсальный форум по безопасности, где можно было бы вести диалог по всем актуальным вопросам (ДОВСЕ, ПРО США в Европе, антитеррор и т.п.), которые очевидно шире отношений Россия-НАТО, и где НАТО будет одним из участников обсуждений, а не арбитром или площадкой. Россия предлагает сегодня, в частности, рассмотреть вопрос о выработке всеобъемлющего документа в сфере европейской безопасности и сотрудничества по образцу Хельсинкского акта 1975 года.

Нас не устраивает также, что НАТО все чаще выступает не столько инструментом безопасности, сколько механизмом геополитической переориентации стран бывшего СССР и ОВД. Это тем более некорректно с учетом заверений, что НАТО более не инструмент противостояния и избавился от наследия «холодной войны». В реальности мы видим, что все это присутствует с новой силой и в новом прочтении – Украине буквально навязывают НАТО вопреки открытым протестам населения. При этом НАТО отнюдь не спешит развеять разного рода иллюзии, которые тщательно возвращают у своего населения местные пронаатовские политики: в Украине, в частности, распространяют представления, что НАТО – это шаг к членству в ЕС, которое принесет с собой ожидаемые высокие социальные стандарты. А в Грузии, к примеру, – что альянс поможет решить конфликты с непризнанными республиками по сценарию Тбилиси, вплоть до силового обеспечения средствами альянса.

Таким образом, получается, что НАТО позиционируют как гаранта невмешательства Москвы в процессы, в общем-то, опасные и противоестественные, и самого альянса, по большому счету, не касающиеся, зато напрямую затрагивающие интересы России. Тот факт, что Брюссель откровенно делает ставку в СНГ на политиков неприкрыто антироссийской ориентации (по сути, обеспечивая им внешнюю поддержку и механизмы внутреннего успеха), говорит не в пользу искренности наших партнеров по двустороннему диалогу. Вряд ли можно считать нормальными и дружескими такие шаги, как, например, принятие в США закона в поддержку приема в НАТО Украины и Грузии, который в апреле прошлого года подписал президент США.

Нашим визави на Западе пора наконец признать, что к востоку от нынешних границ НАТО есть уже сложившаяся либо активно формирующаяся система взаимоотношений между государствами, в том числе – в сфере безопасности. Этот процесс не направлен против кого-либо и имеет объективные предпосылки (история, экономика, география и т.п.). Разумнее было бы придать большую эффективность диалогу НАТО-ОДКБ, сделав структуры взаимно дополняющими друг друга, и обеспечить страховыми механизмами для ухода от конфликтов. В принципе, есть смысл подумать о формализации неко-

его панъевразийского механизма на основе «триалога» НАТО-ОДКБ-ШОС, где можно было бы говорить, например, по теме общематериковой ПРО. Ибо нашей общей целью должно быть создание приемлемых для всех моделей обеспечения безопасности с правом голоса, опять же, для всех.

Опасными мы считаем и намерения привести в НАТО неоправданно широко толкуемые проблемы безопасности, включив в них вопросы энергетики и чуть ли не фитосанитарного контроля (развивая польскую идею «Энергетическое НАТО», можно задаться вопросом: а почему бы не «КиберНАТО», если вспомнить эстонские волнения по поводу хакерских атак якобы из России; или «Мясное НАТО», памятуя о заботах тех же поляков?). Это стремление некоторых государств «военизировать» («атлантизировать») любую (в том числе – сугубо частную) проблему понятно: им нужна мощь альянса у себя за спиной для диалога с Россией и военно-командная тональность самого разговора. Но нужно ли это самому альянсу?

При том, что темы безопасности вовсе не утратили своей актуальности, их пытаются свести к некоему набору угроз, исходящих от «изгоев»: Ирана, КНДР, Венесуэлы и т.д. Как будто размещение американской ПРО в Европе вопреки протестам населения Чехии и Польши (то есть вопреки принципам демократии!), вопреки эффективным предложениям России по совместному использованию российских РЛС, даже в обход НАТО – это не проблема для безопасности. Или, к примеру, вновь зазвучавшие мотивы по поводу размещения оружия в космосе. Равно как и тупик, в который завела неконструктивная позиция стран Запада в отношении ДОВСЕ, вынудившая российское руководство провозгласить мораторий на выполнение своих обязательств по Договору.

Политические клише и их опасность

Серьезную опасность для глобальной стабильности представляет собой в целом банализация мышления тех, кто принимает определяющие для всего мира политические решения. Клишеобразные суждения: «демократия – не демократия, свобода – несвобода, изгой – союзник и т.п. порождают не менее одномерные решения. Актуальный опыт все более доказывает, что чем сложнее и деликатнее проблема, тем меньше гибкости проявляет международное сообщество (вернее те, кто считает себя вправе говорить от его лица): все чаще применяются ультиматумы, угрозы, блокады, санкции и подобные средства устрашения. По сути, то или иное государство ставят перед выбором: или подчинитесь, или... см. судьбу Югославии и Ирака.

Безусловно, в наших отношениях с так называемым Западом еще сказывается «послевкусие» былого противостояния, еще не достигнут тот рубеж доверия – на уровне не столько даже лидеров, сколько общественности и СМИ, – который сделал бы все предрассудки и подозрения уделом истории. К сожалению, к западу от наших границ все еще немало тех «вечно вчерашних», кто мыслит привычными категориями и догмами «холодной войны», кто пытается перевести отношения с Россией в режим получения контрибуций, полагающихся с якобы побежденного государства.

Главная ошибка западных противников «политики встречных шагов» в ответ на односторонний демонтаж баррикад «холодной войны» Россией – в стремлении сделать Россию послушной вместо того, чтобы сделать ее дружественной. Ее хотели видеть не столько осознанно желающей интегрироваться в евроатлантическое сообщество, сколько вынужденной покориться авторитету и неизбежности и идти на сближение на навязанных ей дискриминационных условиях.

Ранее ослабленная Россия была во многом вынуждена действовать несамостоятельно, с постоянной оглядкой на других. Но сегодня страна стала другой, и свой европейский выбор она рассматривает не как дарованную ей кем-то возможность сдать «вступительные экзамены» в Европу. И географически, и политически Россия была в ней всегда и в той же мере определяла – и определяет ныне – ее облик, в какой это делали прочие великие европейские государства. Если сегодня кто-то пытается «не взять Россию в Европу», это говорит не о том, что континент «останется без России», а лишь о том, что на нем пытаются чертить новые разделительные линии, искажая истинный облик Европы нового тысячелетия и откладывая неизбежное завершение дела подлинно общеевропейской интеграции на будущие поколения.

Стал ли мир безопаснее?

Парадоксально, но мир и Европейский континент, похоже, не стали по-настоящему безопаснее по сравнению с временами до предела милитаризованного противостояния «холодной войны», если говорить, прежде всего, о безопасности и защищенности отдельных граждан, мирного населения. Взрываются дома, магазины и поезда метро, гибнут простые жители европейских городов, объектами насилия стали даже дети. Граждане, у которых не обеспечено главное право – право на жизнь, не могут в полной мере пользоваться всеми великими достижениями демократии. Напуганные и ожесточенные люди – плохие демократы, зато хороший объект для манипулирования и политических спекуляций.

Можно вспомнить, какой вполне искренней тревогой по поводу судьбы простых албанцев мотивировали бомбардировки Югославии в 1999 году. Гордились тем, что демократический мир сочувствует «униженным и оскорбленным». Но сегодня в этом сочувствии крайне нуждаются уже сербы. И те сотни тысяч людей, которые вынуждены были уступить нелегитимному курсу на провозглашение независимого Косова и покинули свои дома. И те, которых еще не успели изгнать, но загнали в резервации на их родной земле. Если нет сострадания ко всем страдающим, то это не искренний душевный порыв, не защита прав людей, а хладнокровная политическая целесообразность, расправа над теми, кто не может сопротивляться силе. Такие постыдные страницы в европейской истории не проходят бесследно, ни для тех, кого «воспитывали» посредством военной силы, ни для тех, кто нападал. В свое время Виктор Гюго очень точно заметил, что «всякая война между европейцами есть гражданская война». Этнические волнения в Европе могут стать предвестником еще больших бед в будущем. Когда на теле есть одна саднящая рана, весь организм уже нельзя считать здоровым.

Прецедентный характер ситуации в Косове для всех современных непризнанных территорий не вызывает никаких сомнений, тем более – у жителей этих территорий. Независимость Косова, если таковую удастся хоть в каком-то виде легитимировать вопреки международному праву и элементарному здравому смыслу (инстинкту самосохранения Европы), – это похороны мирного урегулирования многих других замороженных конфликтов настоящего времени. Такая «независимость» порождает надежды не только у тех, кто уже заявил о своей самостоятельности, хотя и не получил признания, как Приднестровье, Северный Кипр, Нагорный Карабах, Южная Осетия или Абхазия. Легитимация косовской модели – это еще и сигнал тем, кто пока лишь размышляет по поводу такого шага, в том числе – в странах Западной Европы, и тем более в исторически недавно образовавшихся республиках, включая, кстати, Украину, получившую в наследство от СССР «неукраинизированный» Крым.

Восточный вектор российской политики

Россия в последние годы совершила подлинный прорыв и на азиатском направлении. Этот регион, куда сегодня смещается центр тяжести мировой динамики, мы рассматриваем как территорию будущего. Туда сегодня устремились мировые финансовые, транспортные и иные экономические потоки. К политическому развитию и интеграции в регионе ревностно присматриваются все прочие державы. Тем более естественно для России активное участие в азиатских делах. Нам не нужно реагировать на чьи-либо подозрения и оправдываться перед кем бы то ни было, почему мы столь тесно работаем на азиатском направлении: в конце концов, достаточно посмотреть на карту.

К тому же тем, кто вдруг «открыл» для себя положение России сразу на двух континентах и опасается усиления восточного вектора в российской политике и экономике, стоило бы заметить, что крупнейшие партнеры России в Азии не обкладывают предложения о стратегическом партнерстве бесконечными предварительными условиями, разного рода «экзаменами на лояльность». Это выгодно отличает ситуацию на Востоке от того, с чем мы сталкиваемся у западных границ. Про-

веряет европейский выбор России на прочность не Китай или какая-то «восточная партия» в самой России, а нежелание Запада видеть в России своего союзника и равноправного партнера. Россия не будет топтаться у закрытых дверей одних соседей, когда открыты двери других: интересы ее развития не допускают простоя, благо она стала все более ожидаемым гостем во многих домах.

Успешное наложение постсоветской интеграции на процессы в Азии приводит сегодня к образованию таких эффективных структур, как ШОС. Россия бросила сегодня прочный якорь в геополитическом океане Азии и приложит все усилия, чтобы все, что происходит у наших восточных границ, не обходило стороной наши интересы и задачи в регионе. В какой-то мере наверстываемая упущенное ранее, мы стремимся активизировать связи со странами и организациями АТР. Мы в Азии всерьез и надолго, но убеждены, что регион от политического и экономического присутствия такого сильного (но при этом не бесцеремонного) игрока только выиграет.

Многовекторность нашей внешней политики и экономических связей – основополагающий принцип стратегии России. Сильные позиции страны на одном континенте укрепляют ставки и на других. Россия не поддержит никакие действия, будь то цивилизационного, гуманитарного или идеологического свойства, которые втянут ее в противостояние исламскому миру, равно как и в любые конфронтационные сценарии развития отношений со странами иных рас, культур и религий. Мы считаем, что ни государства, ни общественность не вправе оскорблять другие народы и их святыни. Терпимость и уважение к другим народам – такая же неотъемлемая составная часть демократии, как и свобода самовыражения.

В мире нет и не может быть «плохих» народов

Если нет этого, нет личного примера демократической толерантности, то утрачивают всякий смысл любые проповеди свободы и демократии в среде иных традиций. Тогда остается лишь сила, которой, конечно, можно колонизовать другие народы и навязать им свою волю, но нельзя убедить их принять ваши ценности, равно как и подтвердить подлинно универсальный характер самих этих ценностей. Перед лицом фактов сегодня приходится признать, в частности, что пример Ирака – это пример неудачи. И нельзя допустить, чтобы за иракской ошибкой евроатлантической цивилизации последовала ошибка иранская. Это было бы равносильно, образно говоря, попаданию ядерного фугаса в геополитическую структуру планеты, вызвавшему бы разломы и сдвиги такого тектонического масштаба, которые могут оказаться непоправимыми для мировой безопасности и стабильности на многие поколения вперед. Политическая и идеологическая целесообразность не должна затмевать ответственность и здравый смысл.

Мы убеждены, что нет народов-учеников и народов-учителей. Нет народов-изгоев или народов-неудачников, как нет и народов-судей или, не дай Бог, народов-палачей. Как говорил А. И. Герцен, «нет народа, вошедшего в историю, который можно было бы считать стадом животных, как нет народа, заслуживающего именоваться сонмом избранных». Нельзя «индексом Биг Мака» оценивать место и вклад той или иной нации в мировую цивилизацию. Великие империи прошлого, не усвоившие этих уроков, покоятся на пыльных полках истории.

Цивилизованный мир должен предлагать развивающимся странам работающие модели развития, а не политические схемы. Полагаю, политически недооценено предложение России по созданию совместных центров по обогащению урана. Это – не только ключ для Третьего мира к передовым технологиям энергетики. Это и шанс на восстановление доверия к глобальному Северу. Если мы не хотим радикализации Юга, нужно показать нашу готовность дать шансы на развитие всем странам без исключения, даже «изгоям» и «политически подозрительным». Если же в протянутые руки голодных людей мы будем вкладывать только лишь трактаты о демократических ценностях и типовые схемы их внедрения, то неуправляемость станет имманентной проблемой мира, проблемой, которая будет разрешаться на полях грядущих конфликтов.